

Азамат Асланбекович Бетрозов

лаборант-исследователь, Центр скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра РАН (363110, Республика Северная Осетия — Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1)
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

Юрий Альбертович Дзицойты

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра РАН (363110, Республика Северная Осетия — Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1)
E-mail: dzicc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

К истории осетинской оронимии

Аннотация

В статье рассматриваются географические термины осетинского языка, связанные с оронимией. Впервые в научной литературе обсуждается вопрос об осет. *dur // dor* в значении 'гора'. Это значение представлено исключительно в топонимии Осетии, а в остаточном виде также и в языке осетинского фольклора. Распределение оронимов с этим компонентом оценивается с позиций лингвистической географии. Предлагается этимологический анализ и других географических терминов, а также эволюция всей системы географической терминологии, описывающей горы и горные местности, от праиранского состояния до современного осетинского. В работе показано, что праиранские термины, обозначающие высокую гору, из осетинского языка исчезли. Сохранились только термины для невысоких гор и холмов. Высказано предположение, что это могло произойти в результате переселения предков осетин с прародины на равнину, лишенную высоких гор и горных массивов. Но на Кавказе, где потребность различать высокие и невысокие горы стала необходимостью, осетинский язык, мобилизовав внутренние ресурсы, использовал лексику для понятий 'высокий', 'возвышающийся' и пр. Одна из праиранских лексем в значении 'гора', **gari-*, могла сохраниться в Осетии в названии священной горы *Qariw*. Очевидно, эта лексема приобрела на праосетинском уровне сакральный статус, что и спасло ее от забвения. Сохранению этого термина способствовала осетинская мифология, в которой представлены сюжеты о священных горах. В работе приведены также типологические параллели на индоевропейской, кавказской и тюркской почве.

Ключевые слова

оронимия; осетинский язык; иранские языки; кавказские языки; этимология; история; ареальная лингвистика

Благодарности

Статья написана в рамках реализации гранта по проекту «Топонимия Северной Осетии в историко-культурном аспекте», поддержанного в конкурсе Российского научного фонда 2025 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс). Региональная

организация финансирования — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук»,
Республика Северная Осетия — Алания.

Для цитирования

Бетрозов А. А., Дзиццойты Ю. А. К истории осетинской оронимии // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 9–28. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.001

Рукопись поступила в редакцию 16.07.2025

Рукопись принята к печати 20.09.2025

Azamat Aslanbekovich BETROZOV

Researcher, Center for Scytho-Alanic Studies,
Vladikavkaz Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences (1, Vilyamsa St.,
Mikhailovskoye village, 363110, Republic of North
Ossetia–Alania, Russia)
Email: a.betrozoff@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

Yuri Albertovich DZITSTSOITY

PhD, Leading Research Fellow, Center for Scytho-
Alanic Studies, Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences (1, Vilyamsa
St., Mikhailovskoye village, 363110, Republic
of North Ossetia–Alania, Russia)
Email: dzicc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

On the History of Ossetian Oronymy

Abstract

The article examines the geographical terms of the Ossetian language related to oronymy. For the first time in the scholarly literature the article discusses Ossetian *dur//dor* ‘mountain’. This meaning is attested exclusively in the toponymy of Ossetia, and in a residual form also in the language of the Ossetian folklore. The distribution of oronyms containing this component is assessed from the perspective of linguistic geography. The paper also provides an etymological analysis of other geographical terms and traces the evolution of the entire system of geographical terminology describing mountains and mountainous landscapes from the Proto-Iranian stage to modern Ossetian. It is shown that Proto-Iranian terms denoting a high mountain have disappeared from the Ossetian language, while only terms referring to low mountains and hills have been preserved. The authors suggest that this development may have resulted from the migration of the ancestors of the Ossetians from their original homeland to a plain lacking high mountains and mountain ranges. In the Caucasus, however, where the need to distinguish between high and low mountains became essential, Ossetian appears to have mobilized its internal lexical resources, employing words meaning ‘high’, ‘rising’, etc. One of the Proto-Iranian lexemes meaning ‘mountain’, **gari-*, could have been preserved in Ossetia in the name of the sacred mountain *Qæriw*. Apparently, this lexeme acquired a sacred status at the Proto-Ossetian level, which saved it from oblivion. The survival of this term was likely supported by Ossetian mythology, which contains narratives about sacred mountains. The paper also presents typological parallels from Indo-European, Caucasian, and Turkic languages.

Keywords

oronymy; Ossetian language; Iranian languages; Caucasian languages; etymology; history; areal linguistics

Acknowledgements

This article is part of the project *Toponymy of North Ossetia in Historical and Cultural Aspects*, supported by the Russian Science Foundation within the 2025 grant competition “Fundamental Scientific Research and Exploratory Research by Small Individual Research Groups” (regional competition). The regional funding organization is the Federal State Budgetary Scientific Institution Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Republic of North Ossetia–Alania.

For citation

Betrozov, A. A., & Dzitstsoity, Yu. A. (2026). On the History of Ossetian Oronymy. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 9–28. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.001

Received on 16 July 2025

Accepted on 20 September 2025

После выхода в свет словарей топонимов Северной [Цагаева 1975] и Южной [ТЮО] Осетии многие аспекты истории осетинской лексики и диалектологии предстали перед нами в новом свете. Выяснилось, например, что лексемы, ранее считавшиеся принадлежащими исключительно дигорскому диалекту, представлены и в топонимии ареала иронского диалекта как в Северной, так и в Южной Осетии [Дзиццойты 2017]. Это можно расценивать только в том смысле, что раньше эти лексемы бытовали и в иронском диалекте, но впоследствии по разным причинам были утрачены. Стало быть, в прошлом расхождений между двумя основными диалектами осетинского языка было намного меньше. Не претендуя на всеобъемлющий охват данной проблемы, мы хотели бы представить в настоящей публикации еще одно свидетельство сказанного.

Наше внимание привлекла прежде всего лексема *dur // dor* ‘камень’¹, не имеющая значения ‘гора; скала; хребет’. Топонимия хороша тем, что всегда предоставляет в распоряжение исследователей какие-нибудь неожиданные факты. Именно с таким явлением мы и сталкиваемся при анализе ряда топонимов Осетии, содержащих упомянутую лексему.

1. *Dur* ‘гора’ в топонимии Южной Осетии

1.1. Начнем с топонимии Южной Осетии, где представлено несколько оронимов *Галадур*, букв. «Камень, похожий на быка». Все они относятся к небольшой территории, расположенной между двумя административными районами — Цхинвальским и Ленингорским. Речь идет о горе и водораздельном хребте, тянущемся на юг от этой горы. Название горы известно

¹Здесь и далее две косые черты отделяют иронскую форму от дигорской.

в нескольких вариантах: *Галаудур* «Камень, похожий на быка», *Галаудуры хох* ‘гора Галаудур’ и *Галаудуры къæдзæх* ‘скала Галаудур’ [ТЮО 3: 152, 229]. Этот ороним впервые зафиксирован в газетной публикации за 1830 г. в форме *Галлавдур* [ППК 1: 35]. В одном официальном документе за 1891 г. ороним представлен в форме *гора Голодури* [ДМ: 398]. Этот же ороним зафиксирован грузинскими топонимистами в форме *Galaduri* [Mak’alattia 1976: 63, 64], а на карте [К-1] находим г. *Гелавдур*.

Рядом с горой зафиксированы ойконимы груз. *Didi Galaduri* ‘Большой Галадур’ и *P’at’ara Galaduri* ‘Малый Галадур’ [Mak’alattia 1976: 65]. Кроме того, в Дзими́рском ущелье представлено название пастбища осет. *Галаудур* и перевала *Галаудуры æфцæг* ‘Галавдурский перевал’, расположенных на горе Галаудур [ТЮО 3: 229, 152].

Поскольку описываемый хребет находится меж двух ущелий, он поименован и с другой, западной, стороны. В Гнухском ущелье, в районе г. *Галаудур*, отмечен одноименный перевал [ТЮО 2: 353–354]. Таким образом, горный хребет и горный пик, разделяющий два смежных ущелья — Дзими́рское и Гнухское, а также пастбище и перевал на этой горе носят название осет. *Галаудур*.

1.2. В грузинских селах, расположенных у подножия рассматриваемого хребта, зафиксировано не только упомянутое *Galaduri*, являющееся фонетической адаптацией осет. *Галаудур*. У грузинского историка и географа начала XVIII в. Багратиони Вахушти упомянутый хребет между Гнухским и Дзими́рским ущельями носит название *Xaruli*, букв. «Бычьё», или *Xarulis mta* ‘Харульская гора’ [Вахушти 1904: 80]. Поскольку местное грузинское население пользуется осетинским названием рассматриваемой горы, есть основания полагать, что и в сочинении Вахушти представлена калька осетинского оронима на грузинский язык, а не наоборот. Вахушти и в других случаях переводил на грузинский язык осетинские топонимы, имевшие семантическую мотивацию [Дзиццойты 2024: 234].

1.3. «Стертая» форма *Галаудур* отмечена и на осетинской почве [КУЛ: 270]. Очевидно, она появилась в результате диссимилиативного опрощения.

2. *Dor* ‘гора’ в топонимии Дигории

2.1. В Дигории (западная часть Северной Осетии) отмечена гора *Галдор*, букв. «Бык-камень» [Гарданты 2007: 278, 279, 295; ППК 6: 449]. Этот же ороним зафиксирован в соседней Балкарии [БТС: 51]. На г. Галдор находится перевал *Галдори æфцæг* ‘Галдорский перевал’ [ДУ: 124].

2.2. Несмотря на явное сходство, между югоосетинским и дигорским оронимами имеется и существенное расхождение. Если дигор. *Галдор* является сложением из *gal* ‘бык’ и *dor* ‘камень’, имеющим общее значение «Бык-гора», то в югоосетинском *Галаудур*, помимо этих основ, представлен еще и топоформант *-aw-*, восходящий к флексии уподобительного падежа *-aw*. Этот формант придает орониму значение ‘похожий на’, букв. «Камень, похожий на быка».

2.3. У А. Д. Цагаевой ороним *Галдор* не зафиксирован, но в ее словаре находим несколько других оронимов с аналогичной структурой:

▪ *Æфсæндор* «Железный камень» — гора в окрестностях с. Стур-Дигора [Цагаева 1975: 298];

▪ *Бæгудор* «Хороший камень» — горная вершина в окрестностях ледника Къæрæугом [Там же: 298–299];

▪ *Гулудор* «Безрогий камень» — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 299];

▪ *Тъафдор* «Листовой камень» — гора в районе леса Къороскæ [Там же: 303];

▪ *Фæстагдор* «Задний камень» — северный отрог Водораздельного хребта, разделяющий долины рр. Къæрæугомдон и Фæстагдон [Там же: 304; ДУ: 18, 64];

▪ *Хириздор* «Пористый камень» — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 304];

▪ *Хузæдор*, букв. «Рисунок-камень», т. е. ‘Камень с изображением’ — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 305];

▪ *Цæгæрдор* «Плешивый камень» — гора и отрог Водораздельного хребта в ущелье Къæрæугом [Там же].

2.4. Кроме того, в Дигории зафиксирован еще один ороним с интересующим нас компонентом, также не представленный в словаре А. Д. Цагаевой. Это *Саудор* «Черный камень» — гора между ущельями Къæрæугом и Уæллагком [К-1; ДУ: 10, 17, 35, 50, 60]. Сюда же относятся два других оронима: *Саудори æфцæг* ‘Саудорский перевал’ — перевал на Саудорском хребте [ДУ: 61] и *Саудори рагъ* ‘Саудорский хребет’ — хребет, отходящий на северо-запад от вершины г. Сонгути хонх [ДУ: 17, 19, 35, 48, 61].

3. Центр и периферия ареала распространения лексемы *dur // dor* ‘гора’

3.1. В приведенных десяти дигорских оронимах лексема *dur*, несомненно, означает ‘гора; горный хребет’. Прилагательные, стоящие перед этим словом, лишь уточняют внешний вид горы: «черная», «лысая» (т. е. полностью лишенная растительности) и т. п.

Почему и в дигорской, и в иронской топонимии слово *dur // dor* ‘камень’ получило одинаковое семантическое развитие и стало означать ‘гора’?

Следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемые оронимы представлены в периферийных зонах ареала осетинского языка. Причем зона их распространения охватывает две противоположные периферийные области: дигорскую (на крайнем северо-западе) и иронскую (на крайнем юго-востоке). Если оценивать этот факт с позиций ареальной лингвистики, то следует признать, что в рассматриваемом явлении мы имеем дело с архаизмами. Действительно, один из главных постулатов ареальной лингвистики гласит, что архаизмы размещаются, как правило, на периферии ареала, тогда как в его центре обычно находятся инновации. Этот же постулат гласит, что наличие одинаковых архаичных явлений в разных периферийных зонах предполагает их наличие в прошлом и в центре ареала.

К счастью, для подтверждения этого вывода на сей раз мы располагаем не только теоретическими наблюдениями, но и прямыми свидетельствами.

3.2. На территории Центральной Осетии, расположенной между Дигорией и Ленингорским районом Южной Осетии, также зафиксированы оронимы с интересующим нас компонентом:

▪ *Галау* «Похожий на быка» — пастбище в окрестностях с. Хъахъхъæдур [Цагаева 1975: 26];

▪ *Галау дуры ком*, букв. «Ущелье камня, похожего на быка» — пастбищное ущелье к западу от с. Зджыд [Там же: 121].

Характерной особенностью двух последних оронимов является то, что они прикреплены не к горам, а к другим объектам — пастбищу и ущелью. Однако у нас нет сомнений в том, что в прошлом окружающие их горы были поименованы так же или сходным образом — просто названия не дошли до нас. О причинах их исчезновения можно строить догадки. Но прежде чем перейти к рассмотрению соответствующих гипотез, мы хотели бы отметить наличие в двух последних оронимах того самого топоформанта *-aw-*, который встречается и в рассмотренных выше оронимах из Южной Осетии. И это понятно: в обоих регионах проживают носители иронского диалекта. Следовательно, наличие или отсутствие топоформанта *-aw-* является своеобразным маркером

для оронимов с компонентом *dur // dor* ‘гора’: те из них, в которых этот формант встречается, являются иронскими, а те, в которых его нет, — дигорскими.

4. Типологические параллели

Обратимся теперь к типологическим параллелям анализируемых осетинских топонимов. Нам предстоит рассмотреть, во-первых, примеры присвоения горам названий типа «Бык», «Похожий на быка» и под., а во-вторых, случаи использования апеллятива ‘камень’ в значении ‘гора’ и названия гор, восходящие к апеллятиву со значением ‘камень’.

4.1. Начнем с метафоры ‘гора’ ~ ‘бык’ — как нам кажется, довольно прозрачной. В говорах русского языка встречается слово *бык, бычок* ‘скалистый берег; каменный утес; мыс; камень в воде’ [Отин 2014: 95, 143], а на Северном Кавказе, в районе Минеральных Вод, находим русское название горы *Бык* [ТК: 194, 206]. Карачаевский ороним *Домбай* [ТДА: 237, 245] означает «Зубр», а во второй части названия горы *Цурунгал* в Балкарии видят осет. *gal* ‘бык’ [БТС: 139] — случай не просто типологического сходства, но этимологического родства с анализируемым осетинским материалом.

На этимологическое родство с осет. *gal* ‘бык’ претендует и чеченский ороним *Гал тIе* — название пастбища в Чечне, в первой части этого наименования усматривают иран. *gal* ‘вол’ [Сулейманов 1976: 35] (говоря точнее, А. С. Сулейманов [Там же] считает лексему *gal* ‘вол, бык’ древнеперсидской, хотя в древнеперсидском языке основа не зафиксирована, а из всех иранских языков данная форма в приведенных значениях представлена только в осетинском [Абаев 1: 506]).

Рассматриваемую метафору отражает и ороним *Дзæбидырысар* «Турья голова» в Северной Осетии [УХТ: 44].

4.2. В этих и подобных названиях, на наш взгляд, закрепился образ горы, внешне напоминающей быка. Были ли «привязаны» к рассматриваемым оронимам мифологические представления и/или обрядность, нам неизвестно. Во всяком случае, на осетинской почве ничего подобного не зафиксировано, хотя почитание гор, особенно самых высоких, в Осетии отмечено. Одно можно утверждать с уверенностью: оронимы со значением «Гора-бык» относятся к древнейшему слою топонимии Осетии.

4.3. Обратимся теперь к метафоре ‘камень’ ~ ‘гора’. Связь значений ‘гора’ ~ ‘скала’ ~ ‘камень’ в апеллятивной лексике индоевропейских языков

рассмотрена, например, в работах [Buck 1949: 24–25, 26, 50 и сл.; Топоров 1980: 234]. Др.-инд. *aśman* означает ‘скала, камень; небо’ [Кочергина 1987: 82]. Связанное с ним этимологически рус. *камень*, а также некоторые его славянские соответствия, помимо основного, имеют значения ‘гора’, ‘скала’, ‘утес’, ‘мыс’, ‘сопка’, ‘возвышенность’, ‘вершина’, ‘гряда’ [Мурзаев 1984: 249].

Хороший иллюстративный материал находим и на иранской почве. Ср. язгулям. *kəp* ‘камень; большой валун; скала’, вандж. *kup, kub, kūb* ‘камень; гора’ [ЭСИЯ 4: 372]. Праиран. **gari-* ‘гора, холм; валун, скала’ в части иранских языков отразилось в значении ‘гора’ (авест. *gairi-*, ср.-перс. *gar* и пр.), а в другой — в значении ‘камень’ (шугнан. *žīr*, хуфс. *žær*, рушан., бартанг. *žēr* и пр.) [ЭСИЯ 3: 191].

Весьма интересные параллели находим также на Урале. Ср. рус. *Денежкин камень* — название горы на Урале, *Конжаковский камень* — горный массив на Среднем Урале и пр. Слово *камень* в этих оронимах — «старинный русский термин, имевший значение “скала, гора, хребет”» [Поспелов 1988: 62, 97].

Не менее интересно нен. *pē* ‘камень’, которое употребляется в названиях Уральских гор, горной гряды на полуострове Канин и др. [Напольских 1997: 87]. В древнегрузинском языке *lodi* означает ‘скала; камень’ [DKEL: 210].

Таким образом, развитие значения ‘камень’ → ‘гора; скала’ широко распространено практически по всему миру. Как это видно на примере русского и грузинского языков, такое развитие спорадически может встречаться даже в тех языках, в которых имеется самостоятельная лексема со значением ‘гора’ (рус. *гора*, груз. *mta*). К числу таких языков относится и осетинский.

4.4. Для жителей гор ассоциация ‘камень’ ~ ‘гора’ вполне естественна: гора состоит из каменной породы; кроме того, практически после каждого большого дождя с гор скатываются или осыпаются камни. Любопытно, что рассматриваемая связь между понятиями ‘гора’ и ‘камень’ прослеживается и в языке осетинского фольклора, вне связи с топонимией. В одном фольклорном тексте упоминается *xonxi asæ dor* ‘камень величиной с гору’ [ИАС 2: 285], а в другом остров посреди моря назван *qildur* ‘торчащий (из воды) камень’ [Там же: 271]. Последний, несомненно, ассоциируется с камнем посреди (или на берегу) водного объекта, из которого родился один из главных героев нартовского эпоса — Сослан. Этот камень-остров (камень-скала) напоминает камень Алатырь в русской традиции, который локализуется в центре мира — «прежде всего и чаще всего на море» [Агапкина и др. 2019: 15].

5. К истории осетинских апеллятивов со значениями ‘гора’ и ‘камень’

Если обратиться к лексемам, означающим ‘гора’ и ‘камень’ и реконструируемым на праиранском уровне, то выяснится, что осетинский язык не сохранил соответствующих рефлексов.

5.1. Праиран. **aś-* ‘острый; камень’, откуда праиран. **aśan-* : *aśn-* ‘камень; небесная твердь’, **aśanga-* ‘камень’, **aśman-* ‘камень; небо как твердь’ [ЭСИЯ 1: 237–240], по мнению В. И. Абаева [1: 95–96], которое не разделяют другие исследователи [Бенвенист 1965: 55; Bielmeier 1977: 38, 90; Ченг 2008: 217–218], возможно, представлено в осет. *az* // *anz* ‘год’. Но даже если признать абаевскую этимологию справедливой, нам придется ответить на два вопроса: 1) о причинах утраты в осетинском значения ‘камень’, 2) о причинах развития в осетинском значения ‘небо’ → ‘год’.

Для нашей темы важнее первый из этих вопросов. Напомним, что в бассейне р. Сейм, где предположительно обитали скифы или сарматы, зафиксированы гидронимы *Осмонь*, *Асмонька* (вариант *Осмонька*), *Каменная Осмонька*, возводимые к иран. **asman-* ‘камень’, **asmanya-* ‘каменный’ [Топоров, Трубачев 1962: 9, 222]. К более позднему периоду относят топоним *Анзаф*, *Анзан-Тарама* (балка в окрестностях Кальмиуса), происходящий от сарм.-алан. *anz-āf ‘узкий поток; балка’ [Илиади 2023: 346]. Мы не исключали бы перевод «Каменная балка», допуская для позднесарматского закономерное преобразование *asmā (им. п. ед. ч. к **asman-*) в **ans-* > **anz-*. Следовательно, рассматриваемая лексема в скифо-сарматское время не была еще утрачена. В топонимии и гидронимии Осетии следов этой основы не удается обнаружить, поэтому время ее утраты в праосетинском можно определить приблизительно — докавказский период. В этот же период иран. **asman-* ‘камень’ было вытеснено другим иранским (диалектным) словом — **daura-* ‘твердый, крепкий’ (в частности, ‘твердый камень’), давшим сак. *dūra-* ‘твердый’, осет. *dur* // *dor* ‘камень’ [Bailey 1979: 161, 165; принято: Bielmeier 1977: 144–146; Ченг 2008: 252]. Осет. *dur* ‘камень’ и сейчас воспринимается как символ или эталон крепости. Ср. выражение *duræj qæbærdær* «крепче камня» — ‘об очень прочной, крепкой вещи’.

Среди аланских топонимов в Западной Европе встречается и основа *dur* ‘камень’ [Ковалевская 1990: 46], что исключает возможность ее кавказского происхождения, предполагавшуюся В. И. Абаевым [1: 376]. Таким образом, значение ‘гора’ у этого слова появилось, скорее всего, уже на Кавказе.

5.2. Аналогичная судьба постигла на осетинской почве одну из праиранских основ со значением ‘гора’.

Праиран. *gari- ‘гора, холм; валун, скала’ не оставило следов в апеллятивной лексике осетинского языка. В авестийском языке эта основа представлена двумя формами: *garay-* : *gari-* ‘гора; горная местность, горная цепь’ [Эдельман 2009: 67]. Если исходить из первой формы и предположить, что она существовала и на древнеосетинской почве, то ее закономерным рефлексом было бы *qæræ-. А с учетом распространенного топоформанта *-iw-* мы могли бы получить форму *qæriw < *garaiwa-. Очевидно, рефлексом этой основы является ороним *Qæriw* в Северной Осетии [Цагаева 1975: 68]. Это название священной горы между Алагирским и Куртатинским ущельями. По представлениям современных осетин, отраженным и в памятниках фольклора, на вершине этой горы ангелы (*zædtæ*, *dawʒytæ*) вершат свой суд.

Таким образом, в случае верности предложенной этимологии рефлекс праиранской основы *gari- ‘гора’ существовал и в кавказский период истории осетинского языка. Название пашни *Qæri* в Южной Осетии [ТЮО 2: 574], возможно, не является параллельным образованием от той же праиранской основы, а представляет собой эллиптический вариант названия, полная форма которого могла выглядеть как *Qæriju xʷum «Пашня, принадлежащая Кари». Здесь *Qæri* — мужское личное имя, восходящее к упомянутому выше орониму.

Единичность фиксации оронима *Qæriw* говорит об очень раннем исчезновении соответствующего апеллятива из лексики осетинского языка и, стало быть, о солидном возрасте самого оронима.

5.3. Праиран. *kaupa-/ *kaufa- ‘гора; горб животного’ [Эдельман 2009: 67] представлено в осетинском языке словом *kʷurp // kʷurp* ‘выпуклость, холм, горка, горб’ [ЭСИЯ 4: 371]. Фонетические аномалии осетинской формы (абруптив в анлауте, преруптив в ауслауте) укладываются в фонетическую структуру осетинских экспрессивов, т. е. первоначально это слово имело коннотацию ‘маленький’, выраженную соответствующими фонетическими преобразованиями.

Осет. *kʷurp // kʷurp* обильно представлено в топонимии Осетии, главным образом — в ироноязычном ареале. В дигорском ареале чаще используется лексема *kʷibus* с тем же значением.

5.3.1. Почему же наименование для большой горы в осетинском не сохранилось, а наименование небольшой горки, холма осталось как в апеллятивной, так и в ономастической лексике? Точного ответа на этот вопрос мы не знаем, но можем высказать следующую гипотезу.

Очевидно, носители праиранского языка-основы жили в горной местности, что предполагало различие на лексическом уровне больших и малых

горных вершин, а также горных хребтов, кряжей и пр. Но впоследствии непосредственные предки современных осетин — скифо-сарматские племена — оказались на равнине, лишенной больших горных массивов. Поэтому название для высокой горы, переставшей быть объектом, используемым для ориентации на местности, постепенно исчезло из языка. Сохранилось только название для холма, денотат которого в огромном количестве был представлен на новой территории.

Со временем предки осетин освоили Кавказ, где вновь появилась потребность различать большие и малые вершины. Для малых вершин было использовано старое иранское слово *k^wypp // k'urp*, а для номинации больших вершин — осетинская лексема *hox // хох* 'гора', о которой мы скажем ниже.

Казалось бы, в эту схему не вписывается этимология, предложенная для оронима *Qæriw*. Однако если учесть, что это название не самой высокой, но самой священной горы, то можно высказать предположение, что именно в этом качестве рассматриваемый ороним и «выжил», т. е. на каком-то этапе истории языка рефлекс праиран. **gari-* мог приобрести в праосетинской мифологии (и фольклоре) значение 'священная / почитаемая гора'. В этом значении язык пронес анализируемую лексему сквозь столетия, прикрепив к одной из почитаемых гор на Кавказе. О перемещениях в пространстве названий священных гор вместе с соответствующими мифами можно судить хотя бы на примере священной горы *Harā-bərəzaitī* в Авесте [Bartholomae 1961: 1788]. С прародины древних иранцев название этой горы со временем переместилось в Иран: ср. ср.-перс. *Harburz*, н.-перс. *Alburz* — горный массив в Иране. А затем персидская форма названия этой горы проникла и на Кавказ, ср. груз. *Ialbuzi* [Andronik'ashvili 1966: 186, 293, 349], рус. *Эльбрус* [Фасмер 4: 517].

Таким образом, предки осетин пришли на Кавказ, имея в своем лексиконе апеллятив со значением 'холм; пригорок', а также сакральное название для священной горы, горы небожителей. Первый был в дальнейшем использован для обозначения небольших горных объектов — пригорков, холмов и т. п. Второе же было прикреплено к определенной горе, ставшей одной из самых почитаемых в Осетии.

5.3.2. В этом же духе следует рассматривать исчезновение из языка исконно иранского названия для камня. В горах соответствующая лексема была обычным названием, противопоставляемым словам для горы и холма. На равнине это противопоставление потеряло смысл, но возникло новое — оппозиция камня как твердого вещества и земли / почвы как вещества мягкого. Крайне любопытно, что осет. *x^wut // хутæ* 'возделанное поле, пашня; нива' восходит к иран. **hum-* 'мякоть; нечто мягкое, рыхлое, пористое' [Bailey 1979: 491;

ЭСИЯ 3: 458; ср.: Bielmeier 1977: 258–259]. Противопоставление мягкой, возделываемой почвы твердым камням, от которых эту почву постоянно приходилось очищать, и привело к тому, что за камнем закрепился постоянный эпитет ‘твердый, крепкий’ (**daura-*), который со временем субстантивировался.

5.4. Итак, при продвижении на Кавказ древних носителей осетинского языка лексика этого языка располагала несколькими лексемами, которые могли быть использованы, во-первых, для противопоставления больших / высоких гор малым, а также холмам, а во-вторых, для наречения многочисленных гор, горных пиков, пригорков и холмов. Наряду с перечисленными выше апеллятивами (*k^wupp // k'upp*) были использованы: номинация для камня (*dur // dor*), а также лексемы *bærzond* ‘высокий; высота’, *bærzænd* ‘возвышенность’, *æfcæg* ‘высокогорье; перевал’ и праиран. **śan-* ‘возвышаться’ (сохранилось в нескольких оронимах, в частности в осетинском названии горы Казбек — *Sæna*). В настоящей статье нет возможности подробно останавливаться на каждой из них. Мы рассмотрим лексему *хох // хонх* ‘гора’, происхождение которой стало дискуссионным.

5.5. Основной лексемой со значением ‘гора’ в современном осетинском языке является *хох // хонх*. Она господствует не только в современном разговорном языке, но и в языке осетинского фольклора, где представлены зачастую весьма древние мифологические сюжеты, а также в топонимии Осетии. Более того, одна из исторических областей Северной Осетии так и называется — *Хох* [подробнее см.: Дзицойты 2020].

5.5.1. Важные сведения о представлениях, связанных с горами, находим в осетинском фольклоре. Здесь, помимо обычных *Saw xox // Saw xonx* «Черная гора» [Нартæ: 97; НТХ: 195–196, 197; ПНТО: 173], *Urs xox // Wors xonx* «Белая гора» [ПНТО: 173], находим еще и *Ауžун хæхтæ* «Стеклянные горы» [Нартæ: 91], *дуwwæ хоху фырыты хæст кæм кæнунс* «(место,) где две горы бьются (лбами), подобно баранам» [ИАА: 290], *дуwwæ хонхи кæми тохунсæ* «(место,) где бьются две горы» [ИАС 2: 134] и т. п.

Самым интересным, однако, для нас является следующий пассаж в осетинской сказке: *Zilgæ-xox дуццъу ас к^wу wydis* «Когда гора Зилга была еще величиной с мелкий камешек» [ИАА: 72]. В этом тексте мы находим важный момент, связанный с рассматриваемой темой: горы не сразу появились в том виде, в каком мы их сегодня знаем, — они, как растения или животные, были сначала маленькими и постепенно выросли в гигантов. И если растение произрастает из семени, то гора — из мелкого камешка (*дуццъу*). Эти мифологические

представления во многом и обусловили перенос названия для камня на горы в топонимии Осетии.

Эти же представления отражены и в лексеме *хохдур*, букв. «гора-камень». Она означает не только «горная порода» [Парсиева, Гацалова 2018: 574], но и «скальная гора; скала», т. е. гора, лишенная растительности. Ср. у осетинского поэта: «Slæst eγaw sæqil хохдурγ гаγтæ» <(Он) вскарабкался на вершину огромной отвесной скалы> [Гæззаты 1955: 253].

Таким образом, связь между «горой» и «камнем» прослеживается и в осетинской мифологии, и в апеллятивной лексике осетинского языка.

5.6. В своем дальнейшем развитии осетинский язык выработал целую систему названий, производных от лексемы *хох* // *хонх*, для описания различных реалий, связанных с горой. В. Ф. Миллером зафиксированы такие производные, как *хоху сунз* «ответвление от горы», букв. «невестка горы» [Миллер 3: 1583], *хоху вæхск* «горный хребет», букв. «плечо горы» [Там же], и мн. др.

Каким же образом данная лексема оказалась единственной для понятия «гора» и каково ее происхождение?

5.6.1. Г. Шёльд предполагал этимологическую связь осет. *хох* // *хонх* «гора» с авест. *kaofa-* «гора» [Sköld 1925: 21], что фонетически неприемлемо. Г. Моргенстьерне возводил осетинское слово к др.-иран. **xwanxw-*, возникшему по ассимиляции из более ранней формы **fanxw-*, отложившейся в авест. *fānku-* «пик; вершина» [Morgenstierne 1942: 269]. Эту этимологию поддержал Р. Бильмайер, по мнению которого, однако, авест. *f-* остается необъясненным. Поскольку перебой **xw- > f-* характерен для мидийского языка, можно думать о мидизме в авестийском [Bielmeier 1977: 31, 45, 255]. Сопоставление осетинского слова с авестийским с сомнениями принял и Дж. Ченг [2008: 296].

В. И. Абаев отверг этимологию Г. Моргенстьерне на фонетическом основании. По его мнению, из этимона, предложенного норвежским иранистом, в осетинском языке ожидалось бы **хохх* // *хонх*, а в мн. ч. — **хæххытæ* // *хæнхитæ*, а не *хæхтæ* // *хæнхтæ*. Для сравнения он привел осет. *зæхх* // *зæнхæ* «земля», которое в мн. ч. имеет форму *зæххытæ* // *зæнхитæ* [Абаев 4: 223].

Сам В. И. Абаев полагает, что осетинское слово восходит к древнеиранскому этимону **kauka-* или **kwaka-* со вторичным *-n-* в дигорском. Не исключено также, что на форму осетинского слова повлияли кавказские факты: арч. *хонх*, лезг. *qwan*, агул. *γwan* «скала; валун» [Там же: 222–223]. Иранский этимон с некоторыми оговорками принят в [ЭСИЯ 4: 365].

Учитывая сомнения В. И. Абаева и опираясь на свои представления о кавказском субстрате в осетинском языке, О. А. Мудрак возводит осет. *хох* //

хонх к прадагг. *qāmqārə ‘каменистый склон после оползня; торчащие камни; скальная стена’ [Мудрак 2016: 506]. Однако для нас очевидна ошибочность как этой этимологии, так и рассуждений В. И. Абаева. Начнем с последних.

Исходя из обычных фонетических соответствий между праиранским и современным осетинским языками, из этимона *kauka- в осетинском ожидалось бы *kug // *kog, а с учетом вторичной *-n*- в дигорском — *kong. Неясно, каким образом эти формы могли преобразоваться в современные осет. *хох* // *хонх*. Перебой *k > *x* нельзя приписывать осетинскому языку, даже если в его поддержку можно привести пару иллюстрирующих примеров (см., например, *хуссæ* // *k’insæ* ‘тесто’ [Абаев 4: 271]). Такое развитие для осетинского является аномалией, так как *k- в инициальной позиции в осетинском языке регулярно отражается в виде *k*- (кроме позиции перед дифтонгом *ai), а *k в интервокальной позиции непременно озвончается. Следовательно, даже если согласиться с предложенным В. И. Абаевым этимоном *kauka-, вариант *хауха- должен был существовать на праязыковом уровне.

5.6.2. О существовании этимона *хауха- как минимум на сарматском уровне говорит приведенное В. И. Абаевым мужское личное имя *Хаўхакоз* [Абаев 4: 223], впервые интерпретированное в связи с осет. *хохаг* ‘горец’ чешским иранистом Л. Згустой [Zgusta 1955: 207]. Приняв эту интерпретацию, М. Андроникашвили добавила к ней грузинское мужское имя *Хиха* в фамильном имени *Хихаšvili*, полагая, что данная форма отражает дальнейшую фонетическую эволюцию сарматского имени [Andronik’ashvili 1966: 509–510]. Однако в случае верности этой догадки полагаем, что грузинский антропоним заимствован из реально существующего осетинского мужского имени *Хиха*, которое, в свою очередь, и может восходить к сарматскому **Хауха(ка)*-. Но ни этот антропоним, ни его сарматский источник не могут рассматриваться в качестве этимона осет. *хох* // *хонх*. В противном случае необходимо будет обосновать причину сохранения ирон. *-o*- без перехода в *-u*-, а также доказать причину появления вставки *-n*- в дигорском. И то и другое трудно сделать. Второе предположение наталкивается еще и на проблему аланского личного имени *Хванхва* — имени богатыря, которое было зафиксировано в грузинском источнике XI в. В. Ф. Миллер [1887: 28], а вслед за ним М. К. Андроникашвили [Andronik’ashvili 1966: 509–510] и В. И. Абаев [4: 223] уверенно выводят его из осет. *хох* // *хонх*, связывая в том числе и с упомянутым сарматским именем. Но тут следует внести ясность.

Алан. *Хванхва* в сарматское время не могло выглядеть как *Хауха-: на сарматском уровне аланское имя могло иметь только ту форму, в которой оно зафиксировано; т. е. апеллятивы *хауха- ‘гора’ и *хванхва- ‘гора’ в сарматском

различались и, скорее всего, функционировали в качестве синонимов. Что касается их возможного родства, то его следует отнести к досарматскому времени.

5.6.3. В осетинском языке известен случай расхождения иронской и дигорской форм из-за наличия в последней из них вставного *-n-*. Это глагол *skwuxyn // sk'wænxyn* ‘отличаться; совершать подвиг’, иронская форма которого предполагает этимон **sku-k-*, а дигорская — **skwa-n-k-* [Абаев 3: 119–120]. Казалось бы, варианты рассматриваемого слова содержат аналогичные фонетические структуры. Однако на деле это не так: и дигор. *xonx*, и ирон. *xox* восходят к этимону с назальным сегментом.

Вопреки В. И. Абаеву, отношения между иронской и дигорской формами в *xox // xonx* следует сравнивать не с *zæxx // zænxæ* ‘земля’, а с *fos // fons* ‘скот’ (как это делает Р. Бильмайер, см. ниже), а также с *rox // ironx* ‘забытый’, *tox // tonx* ‘борьба; общественная активность’ и пр. Разница в том, что в слове *zænxæ* дигорский диалект вплоть до наших дней сохранил ауслатное *-æ*, наличие которого на иронской почве еще в недавнем прошлом не вызывает сомнений. Именно этот *-æ* предохранил геминату *-xx-* от опрощения. Однако в тех словах, которые имели геминату перед конечной гласной, но давно утратили эту гласную, гемината неизбежно подвергается опрощению. Примерами могут служить перечисленные нами слова: осет. *fos* через промежуточную стадию **foss* восходит к **fons* [Bielmeier 1977: 45]. Последняя форма и представлена в дигорском, так как в нем не происходили описываемые здесь процессы. В этом смысле (и, конечно, не только в этом) дигорский диалект намного архаичнее иронского.

О том, что осет. *tox // tonx* (< др.-иран. **taxma-/ *taxna-*) прошел в своем развитии через такие же «процедуры», см. [Абаев 3: 306]. С другой стороны, ирон. *rox* в паре *rox // ironx* [Абаев 2: 423–424] предполагает такую же ассимиляцию *-nx-* > *-xx-* и последующее опрощение в *-x*.

Аланское (явно иронское) имя *Xwanxwa* подсказывает, что в XI в. еще не было ни отпадения конечного *-wa*, ни ассимиляции *-nx-* > *-xx-*. Все это случилось позже — возможно, в XII в. Однако после отпадения конечного *-wæ* корневая *æ*, оказавшись перед двумя согласными конечного слога, растянулась в **ā*. В конце XIII — начале XIV в. все долгие *ā* перед носовыми закономерно перешли *o*. Таким образом, эволюция анализируемой формы предполагает следующие этапы: *Xwanxwa* [**X^wānx^wā*] > **X^wānxā* > **X^wānx* > **Xonx* > **Xoxx* > *Xox*. Дигорский диалект и на этот раз «законсервировал» аланскую форму.

5.6.4. Есть все основания полагать, что иронская форма *xox* в прошлом имела, во-первых, на конце геминату, а во-вторых — в корне дифтонгоид *-wā-*.

Начнем с геминаты. Обычное прилагательное от существительного *хох* имеет вид *хæххон* (= диг. *x^wænxon*) ‘горный, горский’. В языке фольклора зафиксирована еще одна форма — с другим суффиксом: *хæххag* ‘горный’ (= диг. *x^wænxag*) [ИАС 1: 396]. В этих формах корневая *ä* не растянулась в *ā*, так как за нею следовал еще один слог. Современное иронское прилагательное *хохag* ‘горный’ является производным от *хох*, чего не скажешь о двух предыдущих: они образованы от **хæхх-* (< **хæпх-*) ‘гора’. Нахождение геминаты в интервокальной позиции предохранило ее от опрощения.

Ошибка наших предшественников, восходящая, кажется, к Г. Хюбшману [Hübschmann 1887: 323], как раз в том и заключалась, что прил. *хæххон* выводилось непосредственно из формы *хох*. Поскольку фонетически это невозможно, самое время обратиться к истории корневой гласной. Она представлена не только в прил. *хæххон*, *хæххag*, но и в форме мн. ч. *хæхтæ*. В дигорском находим две формы мн. ч.: *xwænxтæ* и *xænxтæ* [Абаев 4: 222]. От формы мн. ч. в иронском образовано еще одно прилагательное — *хæхtag* ‘горец’ [Гæззаты 1955: 34]. От современной формы *хох* образована параллельная малоупотребительная форма мн. ч. *хохтæ* ‘горы’ [Барахъты 1975: 151]. Параллельные формы *хæххag* / *хохag* и *хæхтæ* / *хохтæ*, несомненно, возникли в разное время: первые члены пары — раньше, вторые — намного позже.

Нет сомнений в том, что форма мн. ч. с лабиальной *w* древнее. О выпадении этого сегмента из кластера *xw-* свидетельствует местоименная основа *хæд-/x^wæд-* ‘свой; свое-’, восходящая к др.-иран. **xwata-* [Абаев 4: 154].

Таким образом, иронская форма *хох*, как и дигор. *хонх*, предполагает в качестве ближайшего (аланского) этимона форму **x^wänxä*. Наличный в ней лабиальный сегмент опровергает мнение О. А. Мудрака о происхождении осетинского слова из прадаг. **qämqärə* — осетинский язык не знает эпентезы *w*. Таким образом, этимология Г. Моргенстьерне от праиран. **xwanxw-* остается предпочтительной.

6. Итоги

Главные итоги нашего исследования сводятся к следующим пунктам.

6.1. На раннем этапе своей истории осетинский язык подверг перестройке всю систему праиранских наименований горы, горных объектов, камня, исключив названия для высоких гор и горных массивов, но сохранив название для невысокой горы, холма. Исчезло также иранское название для камня. Его место заняло субстантивированное прилагательное со значением ‘твердый’, противопоставлявшееся мягкой обрабатываемой почве. Наименование высокой

горы *gari- обрело семантику ‘священная / почитаемая гора’ и сохранилось в мифологических текстах, а также в имени одной-единственной горы *Qæriw*, считающейся по сей день обителью богов (при обретении предками осетин новой родины на Кавказе).

6.2. Для обозначения высоких гор на Кавказе в осетинском языке были использованы иранские лексемы *dur // dor* ‘камень’ и *хох // хох* ‘гора’ (исходное значение последней, возможно, *‘некто возвышающееся’). Первая из этих лексем в значении ‘гора’, очевидно, имела общеосетинское распространение, однако со временем вторая лексема вытеснила ее, став единственным обозначением высокой горы. Лексема *dur // dor* ‘гора’ сохранилась только в топонимии на противоположных перифериях ареала осетинского языка.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

авест.	авестийский язык	н.-перс.	новоперсидский язык
агул.	агульский язык	нен.	ненецкий язык
алан.	аланский язык	прадарг.	прадаргинский язык
арч.	арчинский язык	праиран.	праиранский язык
бартанг.	бартангский язык	рушан.	рушанский язык
вандж.	ванджский язык	сак.	сакский язык
дигор.	дигорский диалект осетинского языка	сарм.-алан.	сармато-аланские диалекты
ирон.	иронский диалект осетинского языка	ср.-перс.	среднеперсидский язык
лезг.	лезгинский язык	хуфс.	хуфский язык
		шугнан.	шугнанский язык
		язгулям	язгулямский язык

Источники

- Барахъты Г.* Уæлладжыры кадæг. Орджоникидзе : Ир, 1975. (На осет. яз.).
- БТС — *Кокос Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик : Эльбрус, 1970.
- Вахушти Б.* География Грузии / введ., пер. и прим. М. Г. Джанашивили. Тифлис : тип. К. П. Козловского, 1904. (Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества ; кн. 24, вып. 5).
- Гардант М.* Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу : Ир, 2007. (На осет. яз.).
- Гæззаты С.* Уацмыстæ. Сталинир : Хусс. Ир. чингуыты рауагъдад, 1955. (На осет. яз.).
- ДМ — История Юго-Осетии в документах и материалах : в 3 т. / сост. И. Н. Цховребов. Т. 3 : 1864–1900 гг. Цхинвал : Госиздат Юго-Осетии, 1961.
- ДУ — *Агибалова В. В., Жданов Г. В., Иванов В. Д.* По Дигорскому ущелью. Туристские маршруты. Орджоникидзе : Ир, 1976.
- ИАА — Ирон адæмон аргæуттæ : в 3 т. / сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал : Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1959. Т. 1. (На осет. яз.).

- ИАС — Ирон адæмы сфæлдыстад : 2 т. Орджоникидзе : [б. и.], 1961. (На осет. яз.).
- К-1 — Осетия Северная и Южная : карта. Владикавказ : Carta Caucasica, 2007.
- Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1987.
- КУЛ — *Къæбысты У. З. Лигъдæттæ*. Цхинвал : Ирыстон, 1990. (На осет. яз.).
- Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь : в 3 т. Л. : АН СССР, 1927–1934.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- Нартæ / ред. Г. Г. Бестауты. Цхинвал : Ирыстон, 1975. (На осет. яз.).
- НТХ — *Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ*. Цхинвал : Ирыстон, 1973. (На осет. яз.).
- Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк : Юго-Восток, 2014.
- Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь. Владикавказ : Респект, 2018.
- Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. М. : Просвещение, 1988.
- ПНТО — Памятники народного творчества осетин / ред. Г. Бекоев. Владикавказ : Ир, 1992.
- ППК — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах : в 5 т. / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвал ; Владикавказ : Ирыстон : Ир, 1981–1991.
- Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии : в 2 ч. Ч. 1 : Горная Чечня. Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1976.
- ТДА — Теберда. Домбай. Архыз: Природа. Исторический очерк. Туристско-экскурсионные маршруты / сост. С. А. Хапаев. М. : Профиздат, 1989.
- ТК — *Караулов М. А. Терское казачество*. М. : Вече, 2008.
- ТЮО — *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии*. М. : Наука, 2013–. Т. 1–.
- УХТ — *Едзиты А. А. Уæллаг Ходы таурæгътæ*. М. : СЕМ, 2016. (На осет. яз.).
- Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии : в 2 ч. Ч. 2 : Словарь географических названий. Орджоникидзе : Ир, 1975.
- ДКЕЛ — *Abuladze I. Dzveli kartuli enis leksik’oni*. Tbilisi : Mecniereba, 1973. (На груз. яз.).
- Mak’alattia P’. N. Aragvis xeobis Pšavis t’op’onomik’a // T’op’onomik’a*. Т. 1 / ed. by Sh. V. Dzidziguri. Tbilisi : Tbilisis universit’et’is gamomcemloba, 1976. G. 22–225. (На груз. яз.).

Исследования

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1958–1989.
- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III : камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Andronik’ashvili M. Nark’vevebi iranul-kartuli enobrivu urtiertobidan* : 2 т. Tbilisi : Tbilisis universit’et’is gamomcemloba, 1966. Т. 1. (На груз. яз.).
- Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М. : Наука, 1965.
- Дзиццойты Ю. А. Дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2017. № 25 (64). С. 134–145.
- Дзиццойты Ю. А. К исторической географии Осетии: историко-географическая область Хох // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 209–225. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.040
- Дзиццойты Ю. А. Топонимические заметки // Нартамонгæ. 2024. Т. 19, № 1–2. С. 213–246. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.88.29.002>
- Илиади А. И. Alanica в топонимии Дона — II // Acta onomastica. 2023. Т. 64, Iss. 2. S. 334–359.

- Ковалевская В. Б. Аланы Западной Европы в середине I тысячелетия н. э. // Вопросы иранистики и алановедения / ред. В. Х. Тменов. Владикавказ : [б. и.], 1990. С. 45–46.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды : в 3 ч. Ч. 3. М. : [б. и.], 1887.
- Мудрак О. А. Даргинские основы : этимол. словарь : в 2 т. М. : Языки народов мира, 2016. Т. 1.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск : Удмуртия, 1997.
- Топоров В. Н. Прусский язык : словарь. [Т. 3] : I–K. М. : Наука, 1980.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. : Изд-во АН СССР, 1962.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.
- Ченг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ ; Цхинвал : ИПП им. В. Гассиева, 2008.
- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: лексика. М. : Вост. лит., 2009.
- ЭСИЯ — Этимологический словарь иранских языков / сост. В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман (т. 1–3), Д. И. Эдельман (т. 3–). М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge ; London ; New York ; Melbourne : Cambridge Univ. Press, 1979.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Berlin : W. de Gruyter, 1961.
- Bielmeier R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1977.
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago ; London : The Univ. of Chicago Press, 1949.
- Hübschmann H. Ossetische Nominalbildung // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1887. Vol. 41, No. 2. S. 319–346.
- Morgenstierne G. Orthography and Sound-System of the Avesta // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1942. Bd. 12. S. 230–278.
- Sköld H. Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen // Lunds Universitets Årsskrift. 1925. Bd. 20, Nr. 4. S. 1–114.
- Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha : Nakl. Československé Akad., 1955.

References

- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologičeskii slova'osetinskogo iazyka* [Historical Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–4). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR; Nauka.
- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2019). Toponimiia zagovorov Russkogo Severa. III: kamni [Toponyms in the Charms of the Russian North. III: Stones]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Andronikashvili, M. K. (1966) *Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan* [Studies in Iranian-Georgian Language Contacts] (Vol. 1). Tbilisi: Tbilisis universit'et'is gamomcemloba. (In Georgian)
- Bailey, H. W. (1979). *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press.
- Bartholomae, Chr. (1961). *Altiranisches Wörterbuch*. Berlin: W. de Gruyter.
- Benveniste, É. (1965). *Očerki po osetinskomu iazyku* [Essays in Ossetian]. Moscow: Nauka.
- Bielmeier, R. (1977). *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

- Buck, C. D. (1949). *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Cheung, J. (2008). *Očerki istoričeskogo razvitiia osetinskogo vokalizma* [Essays on the Historical Evolution of Ossetian Vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinval: IPP im. V. Gassieva.
- Dzitssoity, Yu. A. (2017). Digorsko-kudarskie izoglossy v toponimii Iuzhnoi Osetii [Digor-Kudar Isoglosses in the Toponymy of Southern Ossetia]. *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii*, 25, 134–145.
- Dzitssoity, Yu. A. (2020). K istoričeskoi geografii Osetii: istoriko-geografičeskaia oblast' *Khokh* [To the Historical Geography of Ossetia: The Historical Region of *Khokh*]. *Voprosy onomastiki*, 17(3), 209–225. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.040
- Dzitssoity, Yu. A. (2024). Toponimicheskie zametki [Notes in Toponymy]. *Nartamongaë*, 19(1–2), 213–246. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.88.29.002>
- Edelman, D. I. (2009). *Sravnitel'naia grammatika vostočnoiranskikh iazykov: leksika* [Comparative Grammar of the Eastern Iranian Languages: Vocabulary]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Hübschmann, H. (1887). Ossetische Nominalbildung. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 41(2), 319–346.
- Iliadi, A. I. (2023). Alanica v toponimii Dona — II [Alanica in the Toponymy of the Don River Basin. Part 2]. *Acta onomastica*, 64(2), 334–359.
- Kovalevskaya, V. B. (1990). Alany Zapadnoi Evropy v seredine I tysiačeleťtia n. e. [The Alans of the Western Europe in the Middle of the 1st Millennium A.D.]. In V. Kh. Tmenov (Ed.), *Voprosy iranistiki i alanovedeniia* [Issues in Iranian and Alan Studies] (pp. 45–46). Vladikavkaz: [s. n.].
- Miller, V. F. (1887). *Osetinskie etiudy* [Ossetian Studies] (Vol. 3). Moscow: [s. n.].
- Morgenstierne, G. (1942). Orthography and Sound-System of the Avesta. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 12, 230–278.
- Mudrak, O. A. (2016). *Darginskie osnovy: etimologičeskii slovar'* [Dargin Stems: An Etymological Dictionary] (Vol. 1). Moscow: Iazyki narodov mira.
- Napolskikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoričeskuiu uralistiku* [An Introduction to the Historical Uralic Studies]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologičeskii slovar' iranskikh iazykov* [An Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Sköld, H. (1925). Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. *Lunds Universitets Årsskrift*, 20(4), 1–114.
- Toporov, V. N. (1980). *Prusskii iazyk: slovar'* [The Prussian Language: A Dictionary] (Vol. 3: I–K). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N., & Trubachev, O. N. (1962). *Lingvističeskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia* [Linguistic Analysis of the Hydronyms of the Upper Dnieper River Basin]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Vasmer, M. (1986–1987). *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Zgusta, L. (1955). *Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste*. Prague: Nakladatelství Československé Akad.